

Дхо сибирских скал

Андрей Насонов

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Андрей Насонов

Эхо сибирских скал

«Автор»

2026

Насонов А.

Эхо сибирских скал / А. Насонов — «Автор», 2026

Тайга ошибок не прощает, но иногда она не прощает и смерть. Мужчина приходит в себя посреди глухого сентябрьского лога Саянских гор. Он не помнит своего имени, прошлого и того, как здесь оказался. В его распоряжении лишь мышечная память профессионала и тяжелый кованый нож на поясе. Первые дни превращаются в суровую борьбу за выживание: добыча огня в проливной дождь, обустройство ночлега, поиск растопки. Но настоящие ужасы начинаются, когда он выходит к людям.

© Насонов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пробуждение	5
Глава 2. Эхо в хрустальной воде	8
Глава 3. Черное эхо	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Эхо сибирских скал

«Городской человек думает, что тайга — это просто много деревьев. Он верит картам, навигаторам и яркой снаряге из магазина. Но любой проводник, исходивший Саяны вдоль и поперек, знает: у леса есть свой характер. Свой закон. Тайга умеет слушать, умеет прятать и умеет наказывать. Ей плевать на твои дипломы и деньги. Если ты совершил здесь грех, если из-за твоей гордыни или спешки погибли те, кто тебе доверял, лес не отпустит тебя просто так. Он заберет твое тело, переломает кости о гранит останцев, но душу... душу он оставит себе. Чтобы ты исправил то, что натворил. Или остался её частью навсегда».

Андрей Насонов

Глава 1. Пробуждение

Лицо обжёг мокрый, ледяной мох.

Я открыл глаза и закашлялся от резкого запаха прелой хвои и сырости. Первые несколько секунд в голове стоял сплошной белый шум. Белый шум и абсолютная, звенящая пустота. Я попытался вспомнить, как меня зовут, где я, какой сегодня день — и не смог. Ни одной мысли. Полный ноль. Память словно выскребли до самого дна, оставив только пустую оболочку.

Нож.

Мысль о нем пришла сама, сработал какой-то глубинный, животный рефлекс. Рука сама дернулась к правому бедру. Пальцы мгновенно легли на знакомую, чуть шероховатую рукоять из микарты. Тяжелый рабочий нож сидел в кожаных ножнах плотно, как влитой. На месте.

Я сел, преодолевая тупую ломоту в суставах. Голову повело, но я удержался, уперевшись ладонью в скользкое корневище. Вокруг стеной стоял глухой, глушащий любые звуки черневой лес. Неба не было видно из-за плотных, тяжелых крон столетних кедров и пихт. Сверху сквозь лапник пробивалась мелкая, занудная сентябрьская морось. Холод уже начинал пробираться под штормовку, заставляя мышцы мелко дрожать. Зубы выбивали чечетку. Тайга ошибок не прощает: если прямо сейчас не развести огонь и не обсушиться, к утру я просто превращусь в окоченевший труп.

Я поднялся на ноги, пошатываясь. Карманы штормовки были пусты — ни рюкзака, ни документов, ни спичек. Зато на шнурке, привязанном к кольцу ножен, я нащупал маленький цилиндрик. Ферроцериевый стержень. Огниво. Корпус давно потерялся, остался только голый серый огрызок металла, намертво покрытый слоем окисла. Искру высечь можно, но огню нужно за что-то зацепиться. В сыром сентябрьском лесу обычный мох или сухая трава превратились в мочалку.

Тело двигалось само, подчиняясь мышечной памяти, которая оказалась сильнее амнезии. Я подошел к ближайшей березе. Кора у нее была старая, грубая, покрытая лишайником и потемневшая от влаги. Сверху она казалась абсолютно непригодной, но я знал, что это не так.

Я вытащил нож. Тяжелое лезвие фултанга хищно блеснуло в полумраке тайги. Обух был сбит под ровный прямой угол — как раз для того, чтобы тесать искры.

Подойдя к стволу с подветренной стороны, где кора была чуть суше, я аккуратно подцепил кончиком ножа верхний, тонкий слой бересты. Поднялся пласт размером с ладонь. Верхняя сторона была влажной, но внутренняя — чистой, розовато-золотистой.

Теперь нужно было сделать трут. Обычный кусок бересты от искры огнива не загорится, ему нужна площадь для соприкосновения. Я прижал пласт к бедру внутренней стороной вверх и начал быстро, с нажимом скрести его лезвием ножа под углом. Раз за разом, слой за слоем.

Кора под лезвием начала скатываться, превращаясь в мелкую, воздушную стружку, похожую на древесную муку или пух. Я «мохнатил» бересту до тех пор, пока на ладони не образовался плотный шарик из тончайших, как папиросная бумага, волокон.

Но шарик все равно перехватил холодный лесной воздух, напитав его влагой. Я расстегнул молнию штормовки, аккуратно засунул этот берестяной пух глубоко подмышку, ближе к телу, чтобы высушить его собственным теплом, а сам занялся заготовкой растопки.

Вокруг лежали тонкие пихтовые ветки, сбитые ветром. Большинство из них сгнили, но на стволах вековых елей еще сохранялся сухой нижний сушняк — тонкие, как спицы, веточки, которые таежники называют «пороховницей». Они ломались с сухим, звонким шелчком. Я наломал целую охапку, рассортировав их по толщине: от совсем тонких до сучьев в палец толщиной.

Минут через пятнадцать, когда пальцы уже окончательно перестали сгибаться от сырости, я достал из-под мышки подсохший берестяной трут. Он стал теплым и послушным.

Я нашел поваленный ствол кедра, очистил ножом площадку от мокрого мха до относительно сухой древесины, соорудил крошечный шалаш из мелких еловых веточек, а в самый центр уложил свой мохнатый шарик из бересты.

Прижав колено к земле, я перехватил нож обратным хватом, уперев обух лезвия в стержень огня под углом в сорок пять градусов. Руки слегка подрагивали.

— Ну давай, — хрипло вырвалось из горла. Голос показался чужим.

Я с силой провел обухом по стержню. Сноп ярких, ослепительно белых искр с шипением брызнул на берестяной пух. Мимо.

Второй удар — искры ударили точно в центр шарика. Тончайшие волокна бересты мгновенно поймали трехтысячеградусный жар, затрещали, повалил густой белый дым, и следом проклюнулся крошечный, неуверенный язычок желтого пламени.

Я тут же прикрыл его ладонью от ветра, затаив дыхание, и начал аккуратно подкладывать самые тонкие еловые спицы. Огонь весело защелкал, перекидываясь на смолистые веточки.

Жар от костра медленно, но верно возвращал пальцам чувствительность. Я сидел на корточках, впитывая тепло каждой клеточкой кожи, но расслабляться было рано. Сумерки в тайге падают стремительно, словно шторы задергивают. Сентябрьское солнце едва зацепило верхушки дальних пихт и покатилося вниз. До полной темноты оставался час, максимум полтора.

Пить хотелось неимоверно. Язык уже начал липнуть к небу, но мысль соваться в ночную чашу без фонаря и ориентиров я отмёл сразу. Жажда не убьет меня до утра, а вот бурелом или скрытая мхом расщелина между камней — запросто. Сначала ночлег.

Чтобы не околеть до рассвета, обычной «запалки» из веток мало. Нужна нодья — таежный костер длительного горения.

Я поднялся и огляделся. Метрах в десяти от моей стоянки из мха торчал знатный сухой — поваленная пихта, сухая, звонкая, очищенная временем от коры. Толщиной примерно с бедра взрослого мужчины. То, что нужно.

Я подошел к бревну и примерился. Топора не было, но мой фултанг с обухом в пять миллиметров был рассчитан на тяжелую работу. Я нашел сухой пихтовый сук покороче, обрубил его ножом, соорудив тяжелую колотушку — колотуху. Приставил лезвие ножа к древесине сухостоя поперек волокон и начал с силой бить деревяшкой по обуху, вгоняя сталь в сухую пихту. Батонинг — долгая, нудная работа, требующая сил, но в моих руках этот навык сидел как влитой. Хрясь, хрясь! Щепка летела во все стороны, обнажая сухую, пахнущую смолой сердцевину.

Я отрубил два двухметровых бревна. Приволок их к костру. Обухом ножа продольно обтесал их с одной стороны, снимая гниль, чтобы обнажить чистую древесину — так они быстрее поймут жар друг от друга. Уложил первое бревно на землю, зафиксировал его по бокам

тяжелыми камнями и толстыми кольями, чтобы не укатилось. Набросал сверху оставшиеся от первого костра угли и мелкую сухую щепу, которую только что наколот. Когда угли весело зашевелились на древесине, я уложил сверху второе бревно обтесанной стороной вниз. Между бревнами вставил пару влажных клиньев из живой пихты, чтобы оставить небольшой зазор для кислорода.

Процесс пошел. Нодья не горит открытым пламенем, она часами тлеет мощным, ровным жаром, отдавая тепло во все стороны.

Теперь — настил. Спать на мокрой земле — это верная смерть для почек. Нарезать лапника ножом вручную — задача долгая, но мышечная память снова подсказала решение. Я выбирал молодые пихтушки, пригибал ветки и точным, резким ударом ножа у самого основания ствола срезал плотные, пушистые лапы.

Минут через сорок с подветренной стороны от нодьи соорудил плотную «постель». Нижний слой — толстые сучья, чтобы оторвать тело от ледяной земли, верхний — густой пихтовый лапник, уложенный чешуей, комлями вниз. Получился пружинящий, пахнущий хвоей матрас толщиной почти в ладонь.

Тайгу окончательно затопила глухая, черная темнота. Лес вокруг словно сжался, превратившись в стену из шорохов, треска ломающихся где-то вдалеке веток и заунывного гула ветра в вышине. Но в моем маленьком круге света было тепло. Нодья разгорелась, по логу пополз густой, уютный жар.

Я лег на лапник, подтянув колени к груди и укрыв лицо воротником штормовки. Голод и жажда крутили внутренности, но усталость сморила сильнее. Закрывая глаза, я смотрел на багровые угли между бревнами и снова безуспешно пытался вспомнить: кто я?

Глава 2. Эхо в хрустальной воде

Утро началось со звука. Плотного, тяжелого треска, который заставил меня подскочить на лапнике ещё до того, как открылись глаза.

Рука привычно рванула рукоять ножа, но тут же расслабилась. Это догорала нодья. Верхнее бревно, прогорев до середины, с глухим стуком раскололось и рухнуло в кучу багровой золы, выбросив к кронам деревьев сноп искр.

Вокруг стоял густой, седой таежный туман, пахнувший ледяной сыростью и мокрой хвоей. Сентябрьское утро дышало первыми серьезными заморозками — трава на кромке моей стоянки покрылась хрупким белым инеем, а дыхание вырывалось изо рта густыми облаками пара. Тело затекло, мышцы ломило от холода. Но самым страшным был не холод.

Жажда.

В горле будто насыпали горячей золы. Слизистую жгло, язык казался сухим куском кожи. Организму срочно требовалась вода. Я убрал нож в ножны, поднялся и прислушался, стараясь дышать через раз.

Тайга просыпалась неохотно. В вышине свистнула какая-то пичуга, где-то далеко ухнула сова, а потом сквозь этот монотонный шум леса я уловил то, что искал. Едва слышный, приглушенный туманом, но отчетливый рокот. Журчание воды. Звук шёл откуда-то снизу, из глубокого распада слева от меня.

Не теряя времени, я двинулся на звук. Спускаться по склону в утреннем тумане — то еще удовольствие. Ноги скользили по мокрому мху, тяжелые сапоги то и дело проваливались между корней вековых кедров. Пару раз я едва не улетел в выворотни — глубокие ямы, оставшиеся после упавших деревьев. Но тело двигалось удивительно ловко, само балансируя и выбирая правильные точки для опоры.

Минут через десять бурелом расступился, и я вышел к ручью.

Это была классическая горно-таежная речушка, зажата между замшелых гранитных валунов. Вода в ней была настолько чистой и прозрачной, что казалась жидким хрусталем, сквозь который во всех деталях виднелся каждый камешек на дне. От реки шёл ощутимый ледяной пар.

Котелка или хотя бы пустой пластиковой бутылки у меня не было. Ничего, в чем можно было бы вскипятить воду. Но в мелких таежных ручьях, текущих с Саянских белков, вода чистая — её пьют сырой, без опаски.

Я подошел к самому берегу, нашел плоский валун, опустился перед ним на колени и наклонился к потоку. Сложил ладони лодочкой, погружая пальцы в обжигающе ледяную воду. Кожу мгновенно закололо сотнями иголок от холода. Я зачерпнул воду, поднял к лицу и сделал первый, жадный глоток.

И в этот момент в голове взорвалось.

Вода еще не успела дойти до горла, как хрустальный рокот ручья в моих ушах резко сменился другим звуком — оглушительным, свистящим ревом горного ветра и металлическим, сухим *щелчком*.

Перед глазами вспыхнула картинка — яркая, неестественная, цветная. Огромная вертикальная стена из серого гранита. Ветер треплет полы моей штормовки. Я стою на крошечном скальном уступе, а прямо надо мной, вцепившись в страховочную веревку, висит женщина в ярко-красной куртке. Её лицо искажено диким страхом, глаза расширены.

«Держи! Держи её!» — орет чей-то мужской голос снизу, перекрывая гул ветра.

Я тяну руку вверх, пальцы с силой сжимают холодный алюминиевый карабин, на котором выбито какое-то клеймо...

Вспышка погасла так же мгновенно, как и появилась.

Я сильно зажмурился, мотнул головой и едва не упал лицом в ручей. Опираясь дрожащими руками о мокрый камень, я тяжело дышал. Сердце колотилось в груди как сумасшедшее, а во рту остался отчетливый металлический привкус адреналина.

— Что это было?.. — прошептал я, глядя на свое отражение в воде.

Вместо ответа из тумана, чуть ниже по течению ручья, донесся отчетливый, чужеродный для этой глуши звук. Глухой, резкий стук топора по живому дереву. А вслед за ним — обрывок человеческого мата.

Там, впереди, были люди.

Глава 3. Черное эхо

Звук топора повторился — короткий, уверенный удар, от которого с верхушки старой пихты сорвалась и с тихим шорохом упала в туман снежная крупа. Люди были совсем близко, метрах в пятидесяти ниже по течению ручья, прямо за густым прибрежным ивняком.

Мышечная память сработала быстрее, чем я успел взвесить все «за» и «против». Я пригнулся, уходя корпусом влево, за толстый замшелый ствол кедра. Ноги ступали мягко, с носка на пятку, безошибочно выбирая твердые камни и обходя коварный, предательски хрустящий валежник. Профессиональная привычка двигаться по тайге бесшумно вела меня вперед.

Я осторожно раздвинул влажные, пахнущие горькой корой ветки ивняка и замер, почти не дыша.

На небольшом плоском пятачке у самой воды располагался лагерь. С первого взгляда стало ясно: это не туристы и не изыскатели. Обычная брезентовая палатка-двухскатка, заляпанная грязью, была наспех растянута между двух деревьев. Вокруг валялся мелкий мусор: ржавые консервные банки, пустые бутылки из-под дешевой водки с размокшими этикетками. Прямо у воды стоял приземистый коренастый мужик в потертой камуфляжной куртке и болотных сапогах. Он деловито орудовал коротким топором, ошкуривая молодую лиственницу.

Но мое внимание привлекло другое. Чуть в стороне, на поваленной березе, горой лежали мокрые, пахнущие тухлой рыбой лесковые сети-китайки — запрещенная, варварская снасть, которая выцеживает таежные речушки подчистую. Рядом из грязного мешка торчал железный дуговой капкан-нулевка на соболя, густо измазанный засохшей кровью и обрывками серой шерсти.

Браконьеры. Мясники. Самый мерзкий сорт таежного люда, который не уважает ни хозяина тайги, ни её законы.

Из палатки, шумно отхаркиваясь, вылез второй — повыше, в грязной энцефалитке с накинутым капюшоном. Руки он держал в карманах, зябко поводя плечами.

— Че там, Михалыч, скоро костер раскочегаришь? — прохрипел он, сплевывая в ручей. — Колотун дикий, бля. Водка скоро замерзнет в горле.

— Ща, Косой, нащепаю, — не оборачиваясь, буркнул мужик с топором. — Не ной. Надо еще петли на том берегу проверить, пока егеря с кордона не зашевелились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.